

Грех в политической философии Аврелия Августина

Научный руководитель – Кондратенко Сергей Евгеньевич

Овчинников Сергей Сергеевич

Студент (бакалавр)

Санкт-Петербургский государственный университет, Факультет политологии,

Санкт-Петербург, Россия

E-mail: s.politcp@gmail.com

Аврелий Августин (354 - 430 гг. н.э.) — один из важнейших христианских философов и теологов. Его характеризует как прекрасное знание античных источников, так и священных текстов христиан. Эпоха его жизни — время окончательной легализации и увеличения влияния христианства в Римской Империи. Важнейшим событием его эпохи был захват Рима готами, выявивший неустойчивость положения христианства в Империи. Захват Рима воспринимался современниками Августина как апокалиптическое событие, подрывавшее фундамент римской государственности и самого «вечного города». Язычники были склонны объяснять его результатом греха святотатства. Работы Августина в этом контексте являются апологией христианства и критикой римской традиции. Он заложил концептуальные основы, стал началом для христианской философии и политической мысли, его влияние в них доминирует вплоть до XIV века[6].

В основе концептуализации политики лежит рассмотрение мирового исторического процесса. История начинается с сотворения человека и его первого греха, именно он предопределяет появление двух градов, а значит и политики. Не все исследователи согласны с тем, что концепция истории Августина линейна, однако, она определенно противостоит традиционным языческим циклическим моделям[4]. Град Божий — центральный августинский концепт. Божий град — Церковь, все люди, любящие Бога больше, чем все остальное, истинные христиане. Земной град — плод греха Каина, он ассоциируется с городом в прямом смысле этого слова: «Итак, о Каине написано, что "построил он город" (Быт. IV, 17); Авель же, как странник, города не построил»[2]. Закрепленные на территории, регулируемые отношениями господства и подчинения общности, такие как город и государство и есть выражение града земного, принадлежность к которому — грех.

Восприятие Августином сути государства можно выразить следующим отсылающим к Цицерону[5] фрагментом: «Итак, при отсутствии справедливости, что такое государства, как не большие разбойничьи шайки; так как и сами разбойничьи шайки есть ничто иное, как государства в миниатюре»[1]. Град земной и государство возникают как результат греха[7], но государство это не причина греховности, это необходимое условие для жизни в мире после грехопадения. Августин уверен, что государства в результате естественной борьбы становятся насколько крупными, что включают в свой состав весь обитаемый мир, такие государства могут сменять друг друга, как Рим сменил Вавилонию, это крайне важный для средневековой мысли сюжет. В этом контексте даже государство имеет свои положительные функции: защита верующих, ведение справедливых войн и искоренение ересей, объединение людей и т.д. Член града Божия может жить в государстве, называться его гражданином и даже воевать за него, но не должен ставить служение ему выше служения Богу.

Концепция истории Августина оригинальна: она смещает акцент с описания политических событий на события религиозного характера. Кроме того смещается фокус внимания с римской истории на общемировую; она интегрирует в себя мифические конструкции,

рационализируя их и превращая в историю; она отказывает римлянам и их предшественникам в первенстве во многих областях.

Автор утверждает, что цицероновской Римской республики никогда не существовало, человеческие законы и человеческая воля не могут быть справедливостью, а значит не могут называться и правом, а без него республика невозможна по определению. Под цицероновское определение республики куда больше подходит Церковь[2]. И именно Церковь делает справедливым государство, по сути Августин создает концепцию церковной супрематии.

Политика — сфера подчинения людей друг другу, Град Божий — сфера свободы. Грех — причина рабства и подчинения человека. Политическая власть связывается со всем, что есть в человеческом поведении эгоистического и скверного; подчеркивается важность Церкви как политического института[3], передающего Божественную Благодать; выражается уверенность в том, что Церковь может призвать светских правителей применить силу в соответствии с её целями[6]. Жизнь людей в мире после грехопадения невозможна без политики, но важно понимать ее низкое положение и инструментальную функцию. Политика хороша лишь до тех пор пока обеспечивает праведную жизнь населения, потому она должна руководствоваться целями Града Божия, то есть формально — Церкви. То же говорится и о методе политики — войне, она справедлива лишь в интересах Церкви. Государство ради самого себя и ради любви граждан к самим себе — опасно и разрушительно[2].

Таким образом, грех тесно связан с политикой, так как он: 1) начальная точка истории; 2) неизбежное следствие природы человека; 3) критерий демаркации града земного и Божьего; 4) базис политики, государства и причина государственного зла.

Источники и литература

- 1) Блаженный Августин. Творения: В 4 т. Т. 2: О Граде Божием книги I – XIII / Августин Блаженный СПб.: Алетейя; Киев: УЦИММ-Пресс, 1998. 596 с.
- 2) Блаженный Августин. Творения: В 4 т. Т. 3: О Граде Божием книги XIV – XXII / Августин Блаженный СПб.: Алетейя; Киев: УЦИММ-Пресс, 1998. 591 с.
- 3) Кондратенко С.Е. К проблеме тирании и тираноборчества в средневековом политическом дискурсе // Вестник СПбГУ. Сер. 6. 2015. Вып. 4. С. 56-67.
- 4) Сыров В. Н. «О граде Божьем» и современная философия истории или что нам могут сказать размышления Августина об истории / В. Н. Сыров, С. Ю. Суханова // Scholae, СХОЛЭ. 2014. №2. С.480–491.
- 5) Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах (под ред. С.Л. Утченко) / Марк Туллий Цицерон М.: Наука, 1966. 223 с.
- 6) Dyson R.W. St Augustine of Hippo. The Christian Transformation of Political Philosophy / R.W. Dyson. NY.: Continuum International Publishing Group; London.: Continuum International Publishing Group. 2005. 195 p.
- 7) Weithman, P. J. Augustine and Aquinas on Original Sin and the Function of Political Authority / Paul J. Weithman // Journal of the History of Philosophy. 1992. Vol. 30, № 3. pp. 353–376.